

УДК 159.9

**КОНФИГУРАЦИИ РОЛЕВЫХ МОДЕЛЕЙ У ДЕВУШЕК ПОКОЛЕНИЯ Z
В КОНТЕКСТЕ ЭКСПЕКТАЦИЙ***Зиновьева Людмила Васильевна**Кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии,**Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия**e-mail: lvpansh@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с цифровизацией социальной реальности, утратой вертикали социальных моделей и все более изменчивой природой множества в отношении граней ролевых моделей на пути к независимой взрослой идентичности современной молодежи, называемой поколением Z. На основе обзора научных исследований приводятся общие тенденции, частично характеризующие образы поколений, называемых X, Y, Z. Представлены результаты исследования конфигураций ролевых моделей у девушек поколения Z с последующим обсуждением значимых связей между актуальной ролью, ролевой моделью и реальным эталоном в контексте социально-ролевых экспектаций. Согласно цели исследования применялся корреляционный анализ по критерию χ^2 -Пирсона.

Ключевые слова: ролевая модель, идентичность, поколение Z, социально-ролевые экспектации.

**ROLE MODELS CONFIGURATIONS IN GEN-Z FEMALE WITHIN THE
CONTEXT OF EXPECTATIONS***Zinoveva Liudmila Vasilevna**Candidate of psychological sciences,**Lecturer for the Department of Practical and Special Psychology,**Novosibirsk State Pedagogical University,**Novosibirsk, Russia**e-mail: lvpansh@gmail.com*

Abstract. This paper focuses on commonly - reported issues about a digital transformation of the social reality, a vertical of social role models loss and the aspect of individualization in which today's generation looks for routes in their search for an independent, adult identity. Based on research investigations general trends describe images of generation cohorts called X, Y, Z are considered. This study examined the relationship between actual roles, role models and social role expectations in Gen-Z female. In relation to the study issue, Pearson's chi-squared test was effectively used. Study findings and implications for research are discussed.

Key words: role model, identity, generation Z, social role expectations.

Актуальность данного исследования определяется остротой вопросов, связанных с цифровизацией социальной реальности, утратой вертикали социальных моделей и все более изменчивой природой множества в отношении граней ролевых моделей на пути к независимой взрослой идентичности современной молодежи, называемой поколением Z. Значительные трансформации, обусловленные историческими событиями, связанными со сменой идеологии советского общества на идеологию капиталистического течения, повлекли за собой переход в новый период социально-экономического развития, который предполагает изменение всех социальных институтов, ценностных ориентаций, ролевых диспозиций, утрату авторитетов и фрагментарность представлений о будущем. Вместе с тем образ будущего выступает системообразующим звеном, определяющим существование субъекта в обществе [1; 2]. Таким образом, исторический контекст сформировал разные генерации поколений, опыт которых, в различной степени отражает череду кризисных социально-экономических влияний.

Основываясь на теоретическом анализе некоторых научных исследований, посвященных вопросам изучаемой тематики [3; 7; 9], скомпилируем общие тенденции, частично характеризующие образы поколений, называемых X, Y, Z. Рисунки 1, 2, 3, соответственно, демонстрируют обсуждаемые тенденции с обозначением таких компонентов, как: аттитюды / нарративы, образ будущего, эталоны.

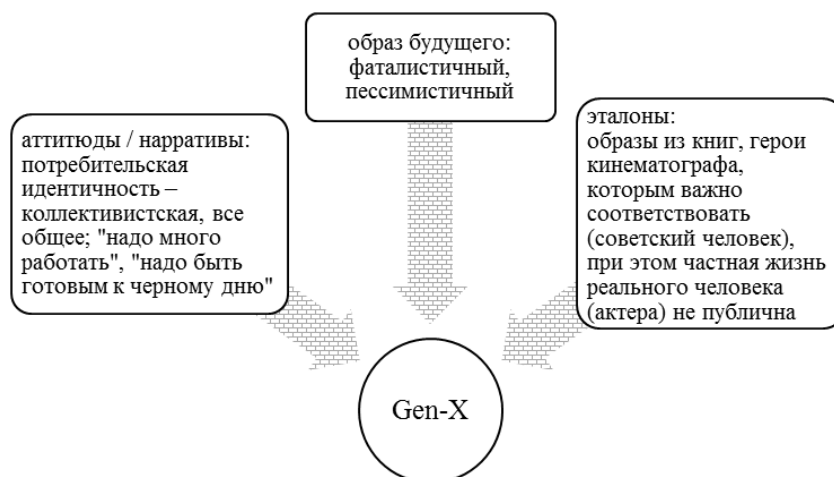

Рис. 1. Представители поколения X (Gen-X), родившиеся в период 1961–1980 годов

Согласно анализируемым категориям, поколение X рассматривается в контексте пессимистичных нарративов, с прочно усвоенными эталонами коллективистского общества и фаталистическими взглядами на будущее (рис. 1).

Группа исследователей из университета Пизы изучала структуру профессиональной идентичности представителей поколения X (Gen-X) в социальных сетях [10]. Согласно логике субъективной теории конструирования виртуальной профессиональной идентичности, авторы обнаружили две модели поведения представителей Gen-X в социальных медиа: наблюдение и движение вперед. Авторы рассматривают этапы конструирования профессиональной идентичности, представленные следующими категориями:

- выявление внутренней идентичности (через сопричастность к определенному контенту в социальных медиа);
- раскрытие выдающихся идентичностей (через размещение в социальных медиа объективной информации о личных и профессиональных достижениях);
- действующие перформативные идентичности (через положительные отклики и одобрения в социальных медиа);

– искусственно расширяющиеся идентичности (через ссылки на истории успеха, изображения с мотивационными текстами, цитаты известных личностей).

Вместе с тем исследование показало, что среди представителей Gen-X отмечается нежелание публиковать личную и профессиональную информацию (даже при осознании положительного эффекта) со ссылками на недостаток времени, недовольство своим изображением на фото, предпочтение живого общения виртуальному, прочно усвоенные родительские установки («не высовывайся», «ты не должен себя хвалить» и т.д.).

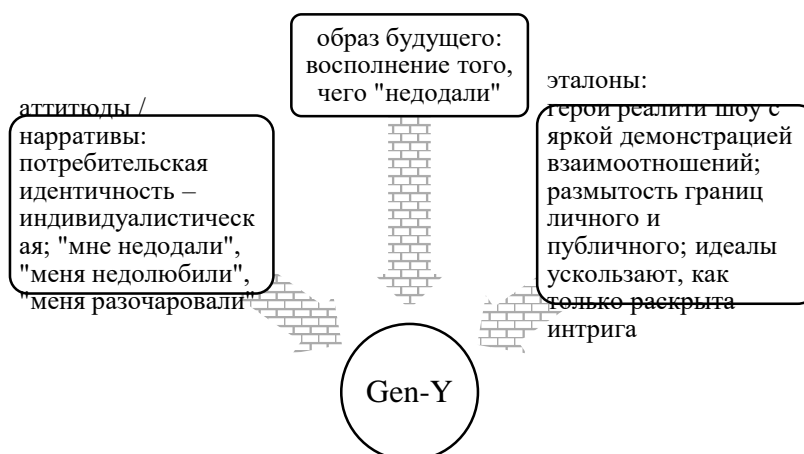

Рис. 2. Представители поколения Y (Gen-Y), родившиеся до 1995 года

Образ поколения Y повторяет контекст финансово-экономической нестабильности предыдущего поколения и выражается в нарративах разочарования и недостатка родительской любви. Утрата авторитетов старшего поколения, эталонами становятся герои популярных шоу телевидения с размыванием границ между личным и публичным.

A. Okulicz-Kozaryn, R.R. Valente [6] исследовали уровень удовлетворенности жизнью и уровень субъективного благополучия у городских и сельских жителей США, используя данные социального опроса (1972–2016 годы). Авторы пришли к выводу, что жители крупнейших мегаполисов

менее всего удовлетворены своей жизнью, то есть американцы в целом наиболее счастливы в небольших городах и сельской местности. Вместе с тем были обнаружены любопытные результаты, демонстрирующие, что представители поколения Millennials (1982–2004 годы), в отличие от более ранних поколений, являются самыми счастливыми в крупных городах.

Группа исследователей Сиэтлского тихоокеанского университета сравнили выборку студентов бизнес-классов, относящихся к миллениалам (Millennials, родившиеся до 1995 года), с выборкой бизнес-студентов поколения Z (Gen-Z, родившиеся после 1995 года) на предмет их отношения к групповым проектам [8]. По результатам исследования были обнаружены значительные различия в некоторых взглядах на групповые проекты у испытуемых групп. Кроме того, отмечается значимо больший уровень тревоги со стороны студентов Gen-Z, чем Millennials, относительно вклада других членов команды в групповой проект.

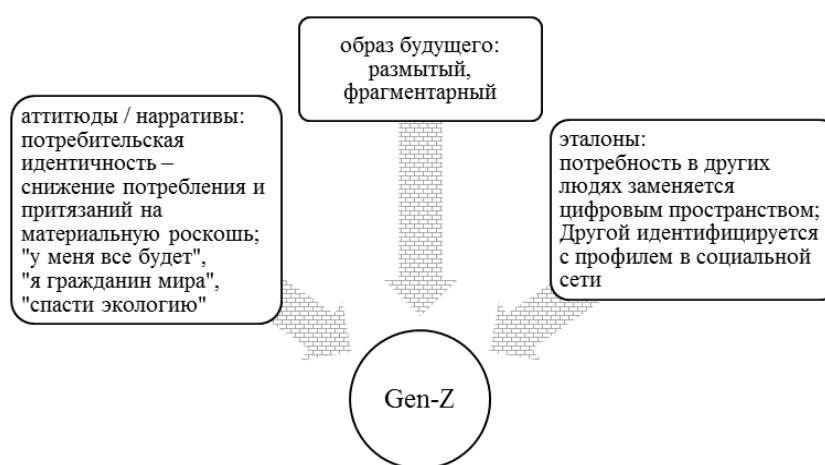

Рис. 3. Представители поколения Z (Gen-Z), родившиеся после 1995 года

Поколение Z, в отличие от предыдущих, рассматривается в контексте отсутствия опыта кризисов и потрясений. При этом стремительная цифровизация, избыток информации, возможность получить ответы на вопросы быстрым способом ввода запроса в поисковую строку заменяет потребность в других людях. Тенденции социальной слепоты с ограниченностью навыков

выстраивать модели реальности [2]. Другой идентифицируется с профилем в социальной сети. Вместе с тем отмечается снижение потребительской направленности и притязаний на материальную роскошь.

Литовский исследователь D. Leskauskas [5] полагает, что новые информационные технологии, интернет, гаджеты выступают для современного поколения в роли постоянного вспомогательного Эго. Согласно высказанным взглядам, развитие личности будет зависеть от характеристик указанных цифровых технологий и от изменений в шаблонах воспитания детей. Автор отмечает, что психоаналитическая литература преимущественно фокусируется на негативном влиянии этих факторов на развитие личности современного подростка, его идентичности и межличностных отношений. Вместе с тем подчеркивается необходимость изучения и понимания возможного положительного потенциала цифровых технологий для молодого поколения.

S. Geyer, L. Louw [4] изучали зависимость соответствующего выполнения социальной работы в сфере геронтологической службы от знаний и отношения социальных работников к пожилым людям. В исследовании авторов приняли участие обучающиеся по направлению «социальная работа» в возрастной категории поколения Z. Результаты показали, что на «общее отношение» респондентов к пожилым людям одновременно повлияли три фактора: год обучения, район проживания в детстве и возможность работать исключительно с пожилыми людьми после окончания учебного заведения. На «общие знания» респондентов о старении взаимно повлияли такие факторы, как год обучения и область проживания в детстве. При этом фактор «пройденный курс по геронтологии» не оказал никакого влияния. Согласно полученным данным, можно отметить важность приобретения по мере взросления опыта межличностного взаимодействия и значимость его разнообразия для формирования социально-ролевых конструкций.

Целью настоящей работы является рассмотрение современных представлений о формировании ролевых конструкций в контексте социальной

реальности; исследование и обсуждение конфигураций ролевых моделей у девушек поколения Z в аспекте социальных экспектаций. В исследовании приняли участие 48 девушек в возрасте от 18 до 21 года, обучающихся в ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет».

Для оценки ролевого профиля применялся стандартный набор из 10 ролевых фигур методики оценки психосоциального профиля личности, разработанной Ю.М. Перевозкиной, Л.В. Паньшиной, О.О. Андрониковой, Н.В. Дмитриевой¹. Дизайн исследования включал три этапа. *На первом этапе* участникам последовательно предлагалось выбрать три фигуры, с которыми они идентифицируются, и одну фигуру, с которой они крайне не идентифицируются. Далее испытуемые называли одно прилагательное для каждой выбранной фигуры, иными словами, какая характеристика делает выбранную фигуру похожей на них (с 1 по 3 фигуры) и какая характеристика крайне отличает выбранную фигуру и испытуемого (4-я фигура). *На втором этапе* участникам предлагалось выбрать одну фигуру из предложенных, образу которой они стремятся соответствовать (то есть быть похожим на...) и назвать три прилагательных, характеризующих выбранную фигуру. При этом отмечалось, существует ли в реальной жизни испытуемого выбранная фигура (друг, родственник, публичная персона и т.д.). *Третий этап* предполагал изучение взаимосвязи между актуальной ролью, ролевой моделью и реальным эталоном, а также изучение сопряженности между ролевым профилем и экспектациями. Согласно указанной цели, применялся критерий χ^2 -Пирсона, так как изучаемые признаки измерены в номинативной шкале.

В результате применения корреляционного анализа по критерию χ^2 -Пирсона были обнаружены значимые взаимосвязи между актуальной ролью, ролевой моделью и реальным эталоном (табл. 1).

¹ Пат. 2625284 Российская Федерация, МПК А 61 М 21/00. Способ оценки психосоциального профиля личности / Перевозкина Ю.М., Паньшина Л.В., Андроникова О.О., Дмитриева Н.В.; заявитель и патентообладатель ФГБОУ ВПО Новосибирский государственный педагогический университет. № 2016105668; заявл. 18.02.2016; опубл. 12.07.2017, Бюл. № 20. 2 с.

Таблица 1. Сопряженность актуальной роли, ролевой модели и реального эталона

Переменные	χ^2	ст.св.	p
Актуальная роль и ролевая модель	71,87878	сс=30	p=,00003
Актуальная роль и реальный эталон	76,40000	сс=40	p=,00046
Ролевая модель и реальный эталон	122,1515	сс=48	p=,00000

Результаты показали, что более половины респондентов идентифицируются с фигурой Дева (58,33%), определяя данной фигуре положение актуальной роли, то есть первое место в выборе на первом этапе процедуры исследования. Кроме того, эта же фигура выбрана испытуемыми в качестве ролевой модели (на втором этапе исследования).

Это свидетельствует, что характеристики Девы (табл. 3) тесно связаны с самовосприятием личности, а также обозначаются испытуемыми в образе модели для подражания. Вместе с тем анализ сопряженности выборов актуальной роли и реального эталона демонстрирует, что из числа испытуемых, которые идентифицируются с фигурой Дева, почти половина (41,67%) называет в качестве эталона реально присутствующего в их жизни – мать. То есть актуальная роль, представляющая самоидентификацию, имеет похожие характеристики с реальным эталоном. Это может свидетельствовать о стремлении испытуемых девушек к сходству с матерью. Обсуждаемые предположения подтверждаются наличием значимых связей между выбором ролевой модели и реального эталона. Результаты показывают, что большинство испытуемых девушек, обозначивших ролевой моделью фигуру Дева, в качестве реального эталона отмечают образ матери (54,55%).

Таким образом, по результатам изучения взаимосвязей между актуальной ролью, ролевой моделью и реальным эталоном в испытуемой выборке было выявлено, что большинство респондентов идентифицируются с фигурой Дева

(актуальная роль), при этом указанная фигура отмечается в качестве ролевой модели. Вместе с тем указанная ролевая модель находит отражение в образе матери, выступающей как реальный эталон.

С целью изучения сопряженности между ролевым профилем и ожиданиями применялся критерий χ^2 -Пирсона, так как изучаемые признаки измерены в номинативной шкале.

Таблица 2. Сопряженность ролевого профиля и ожиданий

Сопрягаемые переменные	χ^2	ст.св.	p
Актуальная роль и ожидания	203,2000	сс=70	p=,00000
Потенциальная роль и ожидания	288,0000	сс=108	p=0,0000
Резервная роль и ожидания	345,6000	сс=152	p=0,0000
Отвергаемая роль и ожидания	270,9333	сс=114	p=,00000

В результате применения корреляционного анализа по критерию χ^2 -Пирсона были обнаружены значимые взаимосвязи между ролевыми фигурами, с которыми идентифицировался/не идентифицировался каждый испытуемый, и дескрипторами, представляющими ожидания относительно роли (табл. 2). В таблице 3 обозначены фигуры с наибольшей содержательной представленностью ролевых ожиданий, в порядке следования от наиболее к наименее часто называемым респондентами характеристикам.

Таблица 3. Сопряженность ролевого профиля и ролевых ожиданий

Профиль	Фигура	Ролевые ожидания
Актуальная роль	Дева	Добрая, спокойная, скромная, милая, заботливая, романтическая, нежная
	Ведьма	Агрессивная, открытая, целеустремленная, смелая
	Мать	Спокойная, добрая, заботливая
Потенциальная роль	Девочка	Инфантильная, игривая, позитивная, зависимая, доверчивая
	Дева	Нежная, добрая, чувствительная

	Ведьма	Эгоистичная, упрямая, самоуверенная
	Мать	Сознательная, умиротворенная, женственная
Резервная роль	Девочка	Инфантильная, легкомысленная, добрая, безответственная
	Трикстер	Веселый, жизнерадостный, хитрый, скрытный
	Герой	Проницательный, сильный, общительный
Отвергаемая роль	Трикстер	Лицемерный, демонстративный, активный, скрытный, зависимый, злой, эгоистичный
	Ведьма	Самоуверенная, стервозная, раскрепощенная, высокомерная
	Старик	Занудный, одинокий, умудренный, инертный

Полученные результаты демонстрируют, что ролевой профиль составляют конфигурации различного пола и возрастного диапазона. В частности, предшествующий опыт (детство) представлен фигурой Девочка; актуально переживаемый опыт (молодость) представлен рядом таких фигур, как Дева, Ведьма, Герой, Трикстер; предстоящий опыт (взрослость и старость) отражают фигуры Мать, Старик (табл. 3).

Вместе с тем ролевой профиль участников исследования преимущественно представлен фигурами женского пола, что в целом отражает репрезентативность выборки. При этом наибольшее число дескрипторов насчитывается относительно фигуры Дева. Это объясняется тем, что большинство испытуемых идентифицируются с фигурой Дева, определяя данной фигуре положение актуальной роли. Кроме того, отмечается полное совпадение некоторых характеристик, сформулированных респондентами относительно фигур Дева и Мать в профиле актуальной роли, что, по-видимому, представляет способ построения социально-ролевых паттернов путем отзеркаливания присущих ролевой модели экспектаций.

Следует отметить, что профиль отвергаемой роли, то есть фигуры-антагониста, преимущественно представлен фигурами мужского пола и отражает характер нарративов, с которыми испытуемый не идентифицируется, противопоставляет себя персонажам, олицетворяющими характерные экспектации (табл. 3).

Полученные результаты свидетельствуют, что конфигурации ролевых моделей содержательно отражают нарративы, экспектации, прорисованные культурой и контекстом проживаемого опыта социально-ролевого взаимодействия. Современные молодые люди в поисках независимой взрослой идентичности встречаются со все более изменчивой природой множества в отношении граней ролевых моделей. Это явление требует интернализации социального опыта через конструирование межличностных отношений и оценку релевантных паттернов взаимодействия. Утрата вертикали социальных моделей приводит к уплощению и мозаичности ролевых конфигураций с иллюзорным образом будущего и самовосприятия. Вместе с тем вопросы, обсуждаемые в рамках настоящего исследования, нуждаются в дальнейшей проработке с установлением закономерностей конструирования социально-ролевых карт реальности.

Список литературы:

1. Карпов А.В., Перевозкина Ю.М. Структурно-темпоральная системность ролевой социализации // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 5–17. DOI:10.25688/2223-6872.2019.31.3.01
2. Курпатов А.В. Чертоги разума. Убей в себе идиота! СПб. : ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли «Капитал», 2019. 416 с.
3. Перевозкина Ю.М., Зиновьева Л.В. Структура ролевой социализации // Социокультурные проблемы современного человека. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2018. С. 206–214.
4. Geyer S., Louw L. Generation Z Undergraduate Social Work Students' Knowledge of and Attitudes Toward Older Persons: Implications for Professional Training // Journal of Gerontological Social Work. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1716428> (accessed: 09.04.2020)
5. Leskauskas D. Generation Z – everyday (living with an) auxiliary ego // International Forum of Psychoanalysis. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/0803706X.2019.1699665> (accessed: 09.04.2020)
6. Okulicz-Kozaryn A., Valente R.R. No urban malaise for Millennials // Regional Studies. 2019. URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1453130> (accessed: 09.04.2020)
7. Ria Jochemsen-Van Der Leeuw H.G.A., Buwalda N., Wieringa-De Waard M. & Van Dijk N. Learning from a role model: A cascade or whirlpool effect? // Medical Teacher. 2015. URL: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2014.956061> (accessed: 14.04.2020)

8. Schlee R.P., Eveland V.B. & Harich K.R. From Millennials to Gen Z: Changes in student attitudes about group projects // *Journal of Education for Business*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/08832323.2019.1622501> (accessed: 09.04.2020)
9. Walker B.M. No more heroes any more: the 'older brother' as role model // *Cambridge Journal of Education*. 2007. URL: <https://doi.org/10.1080/03057640701706169> (accessed: 14.04.2020)
10. Zydziunaite V., Kasperuniene J., Psaroudakis I., Salvini A. (eds) *Professional identity construction in digital times*. Pisa, Italy : Pisa University Press. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/338342692_Gen_X_professiona_l_identities (accessed: 10.04.2020)

References:

1. Karpov A.V., Perevozkina Y.M. Strukturno-temporal'naja sistemnost' rolevoj socializacii // *Sistemnaja psihologija i sociologija*. 2019. № 3 (31). P. 5–17. DOI:10.25688/2223-6872.2019.31.3.01
2. Kurpatov A.V. *Chertogi razuma. Ubej v sebe idiota!* SPb. : OOO «Dom Pechati Izdatel'stva Knigotorgovli «Kapital», 2019. 416 p.
3. Perevozkina Y.M., Zinov'eva L.V. *Struktura rolevoj socializacii // Sociokul'turnye problemy sovremennogo cheloveka*. 2018. P. 206–214.
4. Geyer S., Louw L. Generation Z Undergraduate Social Work Students' Knowledge of and Attitudes Toward Older Persons: Implications for Professional Training // *Journal of Gerontological Social Work*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1716428> (accessed: 09.04.2020)
5. Leskauskas D. Generation Z – everyday (living with an) auxiliary ego // *International Forum of Psychoanalysis*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/0803706X.2019.1699665> (accessed: 09.04.2020)
6. Okulicz-Kozaryn A., Valente R.R. No urban malaise for Millennials // *Regional Studies*. 2019. URL: <https://doi.org/10.1080/00343404.2018.1453130> (accessed: 09.04.2020)
7. Ria Jochemsen-Van Der Leeuw H.G.A., Buwalda N., Wieringa-De Waard M. & Van Dijk N. Learning from a role model: A cascade or whirlpool effect? // *Medical Teacher*. 2015. URL: <https://doi.org/10.3109/0142159X.2014.956061> (accessed: 14.04.2020)
8. Schlee R.P., Eveland V.B. & Harich K.R. From Millennials to Gen Z: Changes in student attitudes about group projects // *Journal of Education for Business*. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/08832323.2019.1622501> (accessed: 09.04.2020)
9. Walker B.M. No more heroes any more: the 'older brother' as role model // *Cambridge Journal of Education*. 2007. URL: <https://doi.org/10.1080/03057640701706169> (accessed: 14.04.2020)
10. Zydziunaite V., Kasperuniene J., Psaroudakis I., Salvini A. (eds) *Professional identity construction in digital times*. Pisa, Italy: Pisa University Press. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/338342692_Gen_X_professiona_l_identities (accessed: 10.04.2020)